

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ч-18

WHEN YOU WISH UPON A LANTERN by Gloria Chao
Copyright © 2023 by Gloria Chao

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness
Agency and Synopsis Literary Agency.

Иллюстрация на обложке *gedufky*

Чао, Глория.

Ч-18 Фонарики желаний / Глория Чао ; [перевод с английского А. Захарова]. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-177640-4

Магазинчик фонариков, исполняющих желания, переживает не лучшие времена. Родители Лии хотят закрыть семейный бизнес, но девушка против и готова на все, чтобы сохранить наследие любимой бабушки.

Внучка собирается возродить традицию бабули: тайно исполнять желания, написанные на фонариках. Лия уверена — это поможет повысить продажи и спасет магазин. Но в одиночку ей не справиться. Девушка обращается к Каю, другу детства, с которым у нее довольно напряженные отношения, но только он может ей помочь! Дело осложняется еще и тем, что их семьи недолюбливают друг друга...

Сможет ли Лия спасти магазинчик и старую дружбу? Или между ней и Каем возможно что-то большее?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

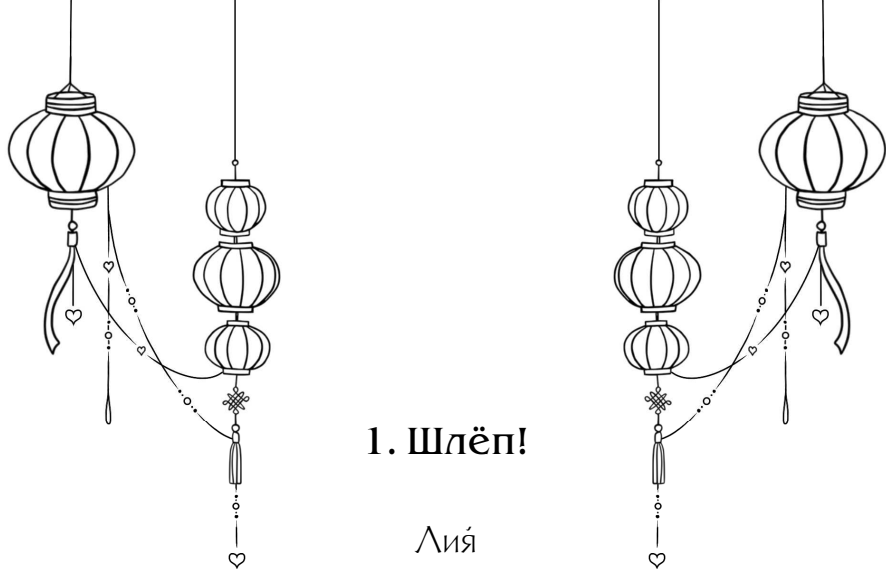
ISBN 978-5-04-177640-4

© Алексей Захаров, перевод
на русский язык, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Посвящается Энтони.
Благодаря тебе мои
желания достигли света.
И всем тем, кто верит в магию добра.

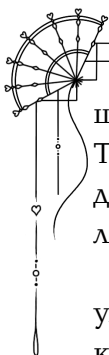
1. Шлёп!

Ли́я

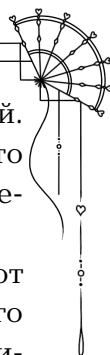
Если и есть магия на Земле — на этой иногда гадкой, иногда ничем не примечательной Земле, — то она случается тогда, когда я стою на берегу озера Мичиган и, пока мои босые ноги омывает вода, смотрю на светящееся небо. Его освещают не звёзды, не фейерверки и даже не большая, яркая полная луна, а фонарики. Бумажные фонарики с написанными на них желаниями, которые уносят в бесконечную тёмную ночь горящие внутри огоньки — частички огня из сердца желающего. Что может быть волшебнее, чем небо, в котором сияют желания и мечты?

У этого миниатюрного воздушного шара много названий: небесный фонарик, тяньдэн¹, но моё любимое — то, которое придумала моя семья, владеющая магазинчиком в на-

¹ Небесный свет (с кит.). — Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное. ▶

ФОНАРИКИ ЖЕЛАНИЙ

шем китайском квартале. Фонарики желаний. Так называется и сам магазинчик, потому что для нас важнейшая часть ритуала — это желания, которые на них пишут.

Сегодня первый день лета, 21 июня¹. Вот уже десятый год подряд община китайского квартала Чикаго собирается на Промонтори-Пойнт² — выдающемся вглубь озера полуострове с просторными лужайками, площадками для костров, красивыми видами на центр города и величественными каменными уступами, ведущими вниз, к волнам, бьющимся о берег, — чтобы последовать традиции, созданной нашим маленьким магазинчиком, который смог за пятьдесят один год своего существования создать два новых праздника и исполнить множество желаний. И всего через час мы снова осветим небо.

Сейчас мои родители стоят за столом, на котором разложены фонарики на продажу, зажигалки и маркеры. Я подхожу к ним, чтобы помочь, и вижу ещё одного человека, который помогает покупателям вокруг. И он знает, как обращаться с фонариками, которые иногда бывают довольно капризными, не хуже меня самой.

Кай Цзян.

Для полного погружения советуем ознакомиться со словариком в конце книги.

¹ Астрономическое лето.

² Искусственный полуостров на озере Мичиган.

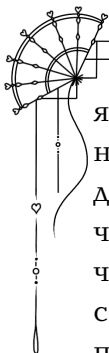
1. ШЛЁП!

О нет.

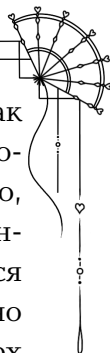
Увидев его, я останавливаюсь как вкопанная. Шапка прямых, непослушных чёрных волос, часто падающих на глаза, уверенная, но скромная походка, мышцы предплечий, накачанные многими часами замешивания теста в семейной пекарне «Лунные пряники»... от такого кто угодно остановился бы как вкопанный, но я? О, я остановилась потому, что у меня с ним связана история из разряда «о нет». Я отчаянно пытаюсь прогнать её из головы, а он видит меня и спокойно машет в знак приветствия, стоя в нескольких футах впереди. Я стараюсь не дать его холодному жесту заморозить меня изнутри, но ни о чём другом думать не могу.

В детстве мы были лучшими друзьями и постоянно играли в переулке, в котором соседствовали наши магазинчики. А потом он постепенно начал превращаться в *Кая*, в *Кая* с заразительным смехом, мускулистыми руками и сладкими булочками (я говорю о тех, которые он печёт, понятно?). Но прежде чем я сумела понять, что всё это значит...

Меня на него вырвало. Несколько месяцев назад. Мы замечательно проводили время, попивали бабл-чай в кафе неподалёку от наших магазинчиков, и тут он меня так рассмешил, что я носом вдохнула шарик из чая (да, знаю, мне самой от этого кринжово). Шлёп — и всё брызнуло обратно. На стол, мне на колени, на него. По большей части на него. В тот день

ФОНАРИКИ ЖЕЛАННИЙ

я немножко умерла. После этого мне было так неловко, что недели две я держалась от него подальше, даже говорила родителям, что болею, чтобы не приходилось идти в наш магазинчик — ведь там я могла случайно столкнуться с Каем. Я не хотела избегать его всё время, но почему-то так в результате и получилось. С тех пор мы почти не виделись. Может быть, он хотел, чтобы между нами сохранялась шестифутовая безопасная зона (раз вирусы дальше не летят, то и всякое другое тоже не долетит, ну, вы поняли). Или, может быть, он был совсем не таким, каким я его считала, раз принял это происшествие так близко к сердцу. Или, может быть, ситуация в самом деле вышла настолько неловкой, что каждый раз, смотря на меня, он видел шарик из чая, вылетающий из моего носа. В общем, что бы это ни было, я скучала по другу.

Но прежде чем я успеваю помахать Каю в ответ, папа говорит:

— Спасибо, Кай, но Лия уже здесь. Иди к своим друзьям.

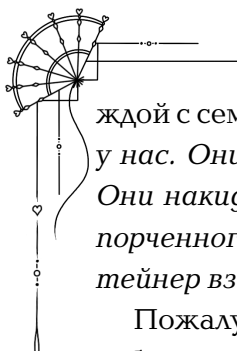
Мама хмуро смотрит на папу, потом кричит Каю вслед:

— Большое спасибо за помощь!

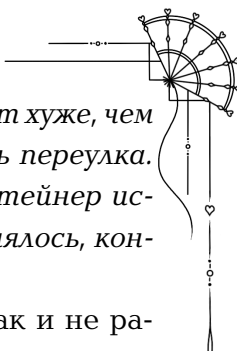
Я молча встаю за столик рядом с ними.

— Сколько раз тебе повторять, — говорит отец, — остерегайся его. Его семья...

Его семья, его семья, его семья. Я тут же перестаю слушать. Папа стал просто одержим вра-

1. ШЛЁП!

ждой с семьёй Цзян. *Их мусор пахнет хуже, чем у нас. Они не уважают нашу часть переулка. Они накидали в наш мусорный контейнер испорченного теста, и когда оно поднялось, контейнер взорвался.*

Пожалуй, даже хорошо, что я так и не разобралась в своих чувствах к Каю, потому что вражда между семьями Цзян и Хуан превращалась во вражду Монтекки и Капулетти, Хэтфилдов и Маккоев¹ в пределах нашего китайского квартала. И всё из-за мусора.

До этого года у нас не было проблем с Цзянами благодаря бабушке, папиной матери, игравшей роль миротворца. Но после того как полгода назад найнай² умерла, каждое происшествие с мусором становилось ожесточённым спором. Сейчас отец говорит со мной только о вражде — отчасти потому, что стремится всеми силами молчать о том, о чём мы должны говорить на самом деле. А сегодня — именно сегодня — я настолько раздражена, что всё-таки решаюсь затронуть запретную тему.

— Это первый Летний фестиваль фонариков без найнай.

¹ Семьи Хэтфилдов и Маккоев враждовали в США в конце XIX века. За время вражды было убито в общей сложности около 15 членов обеих семей. После этого Хэтфилды и Маккой в американском английском стали нарицательным обозначением для двух непримиримо враждующих групп.

² Бабушка (с кит.)

ФОНАРИКИ ЖЕЛАНИЙ

Фестиваль, который она создала.

— Мы не можем просто... устроить по ней минуту молчания?

Отец всё же смягчается.

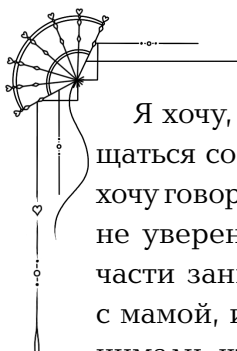
— Мне тоже её не хватает, Лили́.

Он называет меня тем же прозвищем, что и Найнай, и это вызывает во мне слишком много эмоций. Чтобы хоть чем-то себя занять, я начинаю ещё аккуратнее раскладывать товары на столе.

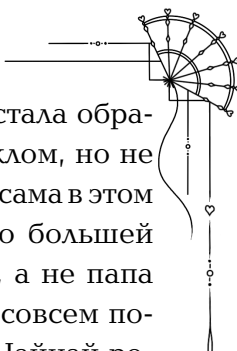
Обычное для моего китайского имени Ли Я прозвище — Яя́ (по традиции нужно повторять последний слог), но Найнай считала, что иероглиф «Ли» подходит мне куда больше, чем «Я». Вместе «Ли Я» означает «будет красивой», но слово «ли» само по себе имеет несколько значений. Найнай думала, что одно из них — «тёмная» — подходит мне особенно хорошо, потому что напоминает о тёмном ночном небе, на которое мы так любим — любили — смотреть вместе. «Ты — ночное небо, на котором могут сиять другие, — говорила она мне, и её тёмно-карие глаза блестели. — Вот почему ты особенная. Ты ставишь других на первое место и помогаешь им сиять. Таких людей очень мало».

— Лия́? — осторожно спрашивает мама, вырывая меня из размышлений. Она хмурится, подбородок напряжён — явно из-за чего-то беспокоится. — Ты...

Она не может закончить даже такой простой вопрос.

1. ШЛЁП!

Я хочу, чтобы она наконец перестала обращаться со мной как с хрупким стеклом, но не хочу говорить, что я в порядке, когда сама в этом не уверена. Моим воспитанием по большей части занималась именно Найнай, а не папа с мамой, и теперь они, похоже, не совсем понимали, что делать. После смерти Найнай родители стали ходить вокруг меня на цыпочках, боясь сделать хуже или напомнить о ней, и эта осторожность со временем лишь росла. Мне бы очень хотелось сказать им, что мне нужно, но я и сама этого не понимала. Пожалуй, я просто хотела, чтобы они сами это знали — так же, как знала Найнай. Но самым большим моим страхом было то, что они правы: я вот-вот сломаюсь. Без Найнай, без Кая, во многих отношениях ещё и без родителей — я ещё никогда не чувствовала себя такой одинокой.

Я резко сглатываю, пряча эмоции внутри себя вместе со слюной.

— С чем вам помочь? — спрашиваю я.

— Мы и так справляемся, — говорит отец.

— Может, пойдёшь по празднуешь? — предлагает мама.

— Но не с ним, — быстро и строго добавляет папа.

Будь здесь Найнай, она бы встала на защиту Кая. «Он хороший мальчик, просто лучший! Вы видели, как он добр к своей семье?» *Даже с теми членами семьи, которые не добры к нему* — обычно это оставалось невысказан-

1. ШЛЁП!

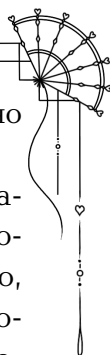
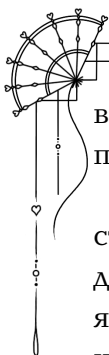
мне улыбается. Я заставляю себя улыбнуться в ответ.

— Я буду помогать людям с фонариками, — говорю я.

Родители рассеянно кивают, отвлекшись на подошедших покупателей.

Отвернувшись от столика, я вижу бабушку Шуэ. Никто из её внуков здесь не живёт, но вся община зовёт её «Шуэ-найнай», потому что она любит нас всех как родных, всегда присматривает за чужими детьми и раздаёт свежие лепёшки с зелёным луком (такие толстые, круглые и рассыпчатые, которые умеют делать только безумно умелые повара). Её муж умер несколько десятилетий назад, а дети уже выросли и разъехались.

Она стоит рядом с молодым шеф-поваром Даниэлем, владельцем модного ресторана французско-китайской кухни за углом от магазинчика «Фонарики желаний». Завидев меня, бабушка Шуэ приветливо машет рукой, подзывая к себе. Я не собиралась прерывать их разговор, но Даниэль тоже начинает лихорадочно мне махать. Подойдя ближе, я слышу, как бабушка Шуэ упоминает кастрюлю, и сразу всё понимаю: она рассказывает Даниэлю о своём подарке новым молодожёнам из общины, которые переехали в многоквартирный дом вниз по улице; они учатся в аспирантуре расположенного неподалёку Иллинойсского университета

в Чикаго. Я, в общем-то, и сама могу дословно пересказать историю этой кастрюльки:

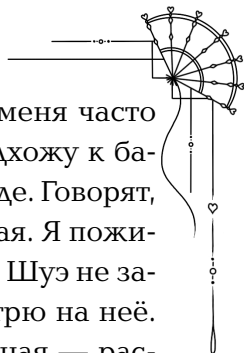
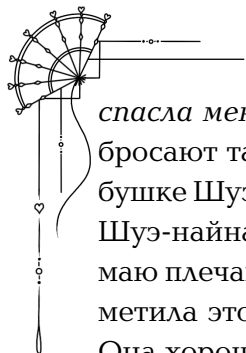
— Я увидела просто замечательную кастрюлю! На ней было выведено *Good pot*, продавали её по акции. По акции! Естественно, я её купила — точно ведь должна быть хорошая, раз так написано! А потом — вот не поверишь, — когда я подарила им эту кастрюлю, они рассмеялись, потому что у слова *pot* есть ещё одно значение — что-то там про курение! Ты знал? Они думают, что эта двусмысленность очень смешная, а я вот думаю, что английский язык вообще ни в какое сравнение не идёт с китайским. У нас куча омофонов¹ и хитрых идиом, и мы относимся к ним очень серьёзно. Это мы тут настоящие мастера каламбуров! Даже наши традиции основаны на двойных значениях: например, на Новый год мы едим рыбу потому, что слово «рыба» произносится так же, как «изобилие»!

Я знаю её истории лучше, чем свои пять пальцев (сказать по правде, если бы мне предложили выбрать мои пять пальцев из ряда фотографий других пальцев, я бы, наверное, их не узнала).

Как только я подхожу к ним, Даниэль хлопает меня по спине и убегает. Он бросает на меня взгляд, в котором угадывается *«спасибо, что*

¹ Омофоны — слова, которые звучат одинаково, но имеют разное значение и написание.

1. ШЛЁП!

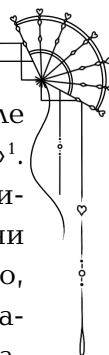
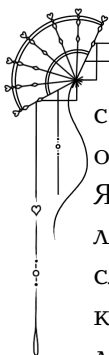

спасла меня» — к сожалению, на меня часто бросают такие взгляды, когда я подхожу к бабушке Шуэ и присоединяюсь к беседе. Говорят, Шуэ-найнай слишком разговорчивая. Яжимаю плечами, надеясь, что бабушка Шуэ не заметила этого взгляда, а потом смотрю на неё. Она хорошая — пусть и многословная — рассказчица, так что я совсем не возражаю, когда она ни с того ни с сего в сотый раз начинает рассказывать, как познакомилась со своим мужем.

Впрочем, в этот раз история всё-таки кое-чем отличается. Она говорит не печальным, а скорее ностальгическим тоном. Её глаза ясны и полны надежды, а не подёрнуты дымкой слёз. Она подтверждает мои наблюдения, закончив рассказ совсем не на той ноте, что раньше. Вместо того чтобы тосковать по покойному мужу и детям, она говорит:

— Если я нашла любовь однажды, может быть, смогу снова?

Это так мило, что мне хочется обнять её. Но я лишь улыбаюсь и говорю «да!» — совсем не таким решительным тоном, как мне хотелось бы. Открыто выражать свои чувства — не в моей крови. Хотя нет, если точнее, я сама научила себя не проявлять бурной реакции на большинство событий. Началось всё в пятом классе, когда миссис Хирн объявила, что Стефани Ли выиграла конкурс правописания, и я радостно захлопала в ладоши — а через не-

сколько мгновений поняла, что на самом деле она сказала: «Стефани Ли ужалила пчела»¹. Я тут же спрятала руки под себя и зажмурилась. Миссис Хирн рассказала, что у Стефани случился тяжелейший приступ аллергии, но, к счастью, у неё был с собой инъектор адреналина, и мама успела воткнуть его в ногу Стефани, а потом приехала «скорая помощь» и забрала её в больницу. Со Стефани, слава богу, всё обошлось, но, когда я открыла глаза, все одноклассники и миссис Хирн тарасились на меня. Никогда в жизни мне так не хотелось провалиться под землю. Я чувствовала себя ужасно, и, похоже, все остальные тоже решили, что я ужасная — особенно Стефани, если она об этом узнала (а учитывая, какая у нас тесная и сплочённая община, узнала она наверняка).

Я постоянно об этом вспоминаю. Чуть ли не чаще, чем тот случай с бабл-чаем. После этого я стала держать чувства при себе и жить, прикрываясь фонариками или бесстрастной маской. Единственным, с кем я могла быть собой, был Кай — до происшествия с бабл-чаем. Теперь же мне с ним было так же неловко, как и со всеми остальными, а может быть, даже больше. Обычно мне и самой было неприят-

¹ Непереводимая игра слов. В английском языке spelling bee («конкурс правописания») звучит довольно похоже на stung by a bee («ужалила пчела»), и одно вполне можно принять за другое, если слушать невнимательно.